

ЖЮЛЬ ЛЕВЕРЬЕ—«РОЖДЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ АРМИИ». Э. С. И. Париж, 1939 (Jules Leverrier. «La naissance de l'Armée nationale». 1789—1794. E. S. I., Paris, 1939).

Из книг, вышедших во Франции в связи с подготовкой к празднованию 150-летия Французской буржуазной революции, большой интерес представляет книга Жюль Леверье «Рождение Национальной армии». Это объясняется не только чрезвычайно интересной темой книги и обилием использованного в ней материала, проливающего свет на многие стороны исторического процесса рождения армии Французской революции. Книжке Леверье придает особую значимость и актуальность то, что автор, не ограничиваясь изложением исторических событий, делает ряд чрезвычайно важных выводов, имеющих непосредственное, прямое отношение к современности. Не случайно посвящает Леверье свою книгу бойцам республиканской Испании, не случайно в заключительной части он останавливается подробно на опыте Красной армии, на борьбе народных армий Испании и Китая. Леверье не выделяет историю армии в некую самостоятельную дисциплину, не отрывает ее от общей истории Франции революционного периода; показывая создание и развитие Национальной армии на фоне общего развития Франции второй половины XVIII века, Леверье демонстрирует закономерность и историческую неизбежность победы недостаточно вооруженной, малоопытной армии народа над превосходно обученными и вымуштрованными армиями интервентов. На протяжении всей книги Леверье постепенно подводит читателя к заключительному выводу о том, что «военная иерархия отражает социальную иерархию» и что в «будущей войне, при наличии прочих равных условий в отношении материальном и техническом, победа будет принадлежать тем государствам, которые осуществят наибольшую степень социальной справедливости».

Демократические, плебейские традиции Французской буржуазной революции сейчас, более чем когда-либо, близки народу Франции. И нельзя не согласиться с Леверье, когда он указывает в своем введении, что «события, потрясшие мир после 1914 года, делают нам

более понятной эпоху Французской революции, чем она была для нас в относительно спокойные периоды XIX века. Теперь многие моменты истории этой эпохи предстают перед нами в новом свете». Одним из таких моментов и является вопрос о создании Народной армии. Автор подчеркивает, что события современности (под ними Леверье в первую очередь понимает Октябрьскую социалистическую революцию и рождение Красной армии) помогают понять, как социальные силы, уничтожившие и взорвавшие изнутри армию старого строя — королевской Франции, в то же время смогли сыграть такую творческую, созидательную роль в организации новой армии, армии революционного народа.

Творческий гений народа не мог не найти своего отражения в его армии. Французская буржуазная революция пробудила к жизни множество народных талантов, сказавших свое слово и в военной области. Уничтожив кастовые привилегии, она дала доступ к высшим командным должностям людям из народа, и это обеспечило боеспособность и боевые качества ее армии. «Не подлежит никакому сомнению, — указывает Леверье, — что не будь революции, Ней, Клебер, Гош, Массена, Бернадотт, Ожеро и немало других никогда не сумели бы подняться выше презренного положения «унтер-офицера», вербовщика рекрут».

Армия откликнулась уже на первые раскаты революционного грома: в Ренне, в Гренобле, в других городах войска отказались выступить против народа. Не случайно среди войск, стянутых под командованием маршала де Брольи к Версалию, видное место принадлежало иностранным частям, которые во времена наемных армий пользовались особым доверием монархических кругов.

Первые же события 1789 года обнаружили тенденцию народа, характерную для всего периода революции, — создать свою вооруженную силу.

Уже в декабре 1789 года бывший мушкетер Дюбуа де Крансе выступил в Национальном

собрании с предложением создать новую народную армию, принципиально отличающуюся от прежней. Дюбуа де Крансе хорошо знал старую армию, солдат которой он назвал «людьми без родины». Он указывал, что наемные армии отжили свой век, что нужны армии из «вооруженных граждан». Однако проект Дюбуа де Крансе о проведении всеобщей национальной мобилизации был встречен насмешками и издевательствами правых.

Леверье приводит характерные слова одного из противников Дюбуа де Крансе, герцога де Лианкур, заявившего: «Во стократ лучше жить в Константинополе или Марокко, чем в государстве, где в силе подобные законы... Разве можно потребовать от гражданина Антиб или Перпиньяна, чтобы он пришел на помощь гражданину из Бреста или Дюнкирхена?».

Защищая проект, представляющий зародыш подлинно национальной армии, автор его, Дюбуа де Крансе произнес знаменательную фразу: «Право всех французов — служить родине: высокая честь называться солдатом, если солдат защищает конституцию своей страны. Каждый гражданин должен быть солдатом, каждый солдат гражданином».

Эти слова вызвали бурю негодования со стороны реакционеров. «Их доводы, — говорит Леверье, — поразительно напоминают аргументацию современных «националистов» и фашистов, называющих Французскую революцию «масонско-еврейской». Национальное собрание отклонило предложение Дюбуа де Крансе; момент рождения Национальной армии настал позднее.

В начале 1791 года активность эмигрантов и угроза интервенции заставили Национальное собрание вернуться к вопросу об армии, наличный состав которой достигал тогда всего лишь 120 000.

Тяжелое положение армии усугублялось предательством офицерского состава. «В чьих руках оружие и снаряжение? — задавала вопрос одна из газет того времени, и отвечала: — В руках изменников». Это была правда. Офицеры разных родов оружия оставались на своих постах по прямому приказу Кобленца. Почти полное отсутствие дезертиров среди офицеров артиллерии объясняется предписанием изменника Булье сохранять контрреволюционные кадры в артиллерии как можно дольше.

Неудивительно, что в начале июня 1791 года якобинцы поставили вопрос об увольнении всего офицерского состава. Национальное собрание на это не пошло, оно предложило офицерам дать честное слово, что те не будут участвовать в заговорах. Как напоминает эта тактика тактику испанского правительства в начале 1936 года по отношению к будущим главарям фашистского мятежа!

Против этого решения со всей резкостью выступил Робеспьер.

Нерешительность и колебания не замедлили принести свои плоды. Пытался бежать из Франции король. Начал действовать Кобленц. Угроза войны стала неизбежной. В порядок дня стал вопрос о создании Национальной армии. Показу того, как разрешалась эта задача, и посвящена вторая часть книги Леверье.

Рождение Национальной армии революции Леверье характеризует так: «Революционный народ отказывался от старой королевской армии. Он хотел создать вооруженную силу, которая явилась бы его прямым воплощением, национальную народную армию, оплот родины во-вне и революции внутри страны».

Были распущены иностранные полки. Многие из солдат иностранных полков — швейцарских, ирландских и немецкого нассауского полка — просили о принятии их в ряды Национальной армии. «Рождается к жизни движение «санкюлотов», подлинная движущая сила нового этапа революции». Растет пропасть между народом и Национальной гвардией Лафайета. Ее командование бьет тревогу: «Пики противостоят ружьям», — 20 июня 1792 года «ее окружает лес пик». Гвардейцы из парижских предместий примыкают к «пикам».

В этой обстановке двор устанавливает тесный контакт с Пруссией и Австрией. Агенты короля и Марии Антуанетты «авансом» распродают территорию Франции. Испании они обещают Французскую Наварру, Сардинии — часть Прованса, Англии — колонии или Корсику. Жирондисты усыпляли бдительность народа ширококвещательными декларациями. Только якобинцы трезво оценивали положение.

В самом Париже эмиссары Кобленца вели преступную пораженческую агитацию. В «Газет дю Пари» публикуются «письма эмигрантов», призывающие к дезертирству. Открыто продается «Кобленцкий альманах», отпечатанный в Париже. Распространяется издававшийся в Кобленце «Альманах эмигрантов», в котором черным по белому написано: «Скоро Европа сможет сказать: бывший французский народ». Невольно напрашиваются аналогии с деятельностью современных «кагуляров».

В апреле 1792 года, в момент объявления войны, Франция еще не имела народной армии. Но она рождалась, уверенно и быстро, вопреки издевательствам и улюлюканию монархической прессы, которая, как, например, «Меркюр де Франс», не переставала издеваться над новыми офицерами, «не видевшими никогда географических карт».

Начало войны приносит Франции поражения. Отдельные воинские единицы переходят к врагам. В самом Кобленце воссоздаются не-

которые бывшие королевские части — легкая конница, мушкетеры.

«Измена и нашествие врага, — пишет Лаверье, — восторжествовали бы, если бы не мощное народное движение, разрушившее расчеты контрреволюции, сокрушившее предательство и восполнившее революционным порывом недостаточную организованность и военную подготовку. За несколько месяцев революционная буря привела к падению монархии и к поражению врага, к победам при Вальми и Жемапп». Это явилось следствием вооружения народа, вдохновленного революционными идеалами.

На помощь Французской революции приходят «иностранные легионы» — интернациональные бригады Французской революции. В революционных войсках были бельгийский, савойско-швейцарский, голландский и немецкий легионы.

Молодая Национальная армия одерживала блестящие победы, несмотря на то, что многие генералы оказались предателями и, по выражению изменника Дюмурье, «оплакивали ее успехи». Армия состояла из наиболее патриотических и революционных элементов нации. Лаверье подробно описывает успех первой в истории всеобщей мобилизации, осуществленной революционным народом. Он показывает усилия народа, создававшего военные мастерские. В одном Париже 258 кузниц готовили оружие для армии. Именно в этих мастерских, работая на оборону, — указывает Лаверье, — люди труда познали радость творческой работы. «Мы, современники победоносной социалистической революции, — пишет он, — свидетели грандиозной работы трудящихся СССР, с волнением прислушиваемся к этим далеким голосам, певшим о радости и гордости освобожденного труда».

Далее Лаверье описывает созданный революцией институт военных комиссаров, одним из лучших представителей которого был Сен-Жюст. Интересны разделы о новой военной тактике и стратегии революционной армии, сочетавшей два принципа — беглый огонь разрозненных стрелковых групп и атаки сплошным массивом войск. Революционная армия передвигалась с максимальной быстротой, оперативностью, четкостью. Прав Лаверье, когда он указывает, что именно Французская революция создала основы нового военного искусства.

В не меньшей степени он прав, указывая, что французская армия стала утрачивать свои качества, когда от войны за защиту своей независимости Франция при Наполеоне перешла к грабительским, захватническим войнам, в ответ на которые во всех странах родилось национально-патриотическое движение отпора.

Последняя глава книги, «Исторические сравнения», трактует проблемы армий в современных условиях. В частности она знакомит французских читателей с распадом старой царской армии и с рождением Красной армии. «В СССР, — указывает Лаверье, — впервые в истории было осуществлено всеобщее вооружение народа и разоружение имущих классов».

Лаверье разоблачает несостоятельность теории «молниеносной» войны и указывает на огромное значение вопроса о людском составе армии. Поражение фашистских армий в предстоящей войне представляется Лаверье совершенно неизбежным.

Книга Лаверье, несомненно, представляет собой ценный вклад в военную литературу, посвященную проблемам Французской буржуазной революции.

В. л. Рубин

ФРЭНК СМИТ—«ТОМАС ПЕЙН—ОСВОБОДИТЕЛЬ».
Изд. А. Стокс, Нью-Йорк, 1938 («Thomas Paine. Liberator», by Frank Smith. Frederic A. Stokes Co., N. Y. 1938).

Биография Томаса Пейна, написанная Фрэнком Смитом, автором нескольких специальных работ о Пейне, производит очень хорошее впечатление и может считаться, если оставить в стороне фундаментальное, но несколько устарелое исследование Конуэя, наиболее удачным из существующих жизнеописаний Пейна.

Пейн принадлежит к великим писателям буржуазной революции XVIII века, хотя он был всего лишь великим пропагандистом ре-

волюционных идей эпохи, и начитанный современник, знакомый с английскими деистами и французскими просветителями, едва ли находил для себя много нового в памфлетах Пейна. Тем не менее его памфлеты — «Здравый смысл» и другие, — расходились в сотенных тиражах и были самыми знаменитыми публицистическими произведениями своего времени. Причиной этому было их действительно острое политическое содержание, — десятки фраз Пейна продолжали жить как